

ИЗЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Июнь 1893.

Миновалъ еще одинъ учебный годъ. Наступили теплые солнечные дни Юня, лучшаго изъ мѣсяцевъ года для всѣхъ учащихъ и учащихся, — того Юня, котораго тысяча сердець ожидаютъ съ трепетнымъ нетерпѣниемъ, о которомъ задолго начинаютъ мечтать многія юныя головки, вынужденныя, не смотря на всѣ прелести ароматнаго Мая, гнущаяся цѣлые дни, а иногда и ночи, надъ учебниками и курсами разныхъ грамматикъ, геометрій, исторій, географій, богословій, правъ, анатомій и прочихъ премудростей. Закончилась страдная пора экзаменовъ и радостная молодежь, вырвавшись наконецъ изъ классовъ и аудиторій, вздохнула на свободѣ полною грудью. На всѣхъ станціяхъ и подустапкахъ дачныхъ мѣстностей, въ разныхъ Кунцевыхъ, Пушкиныхъ, Царицыныхъ и т. п., по рощамъ и въ аллеяхъ замелькали бѣлые студенческіе и гимназическіе кители и фуражки, защебетали звонкіе голоса институтокъ и гимназистокъ, а на изможденныхъ недавними мытарствами и позелѣвшихъ лицахъ пробивается уже яркій румянецъ молодости. Короткая юная память спѣшитъ поскорѣе забыть свои минувшіе труды и тревоги. Всему свое время. Студентъ подвизается теперь ужъ не на экзаменической скамьѣ, а на велосипедѣ; въ рукахъ гимназиста вмѣсто учебника — удочка, а институтка, сбросивъ свою казенную оболочку, въ изящномъ лѣтнемъ костюмѣ порхаешь на дачномъ кругу подъ веселые звуки „Дунайскихъ волнъ“ или „Невозвратнаго времени“.

Пословица говорить: куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней. За веселой молодежью потянулась на лѣтній отдыхъ и наша почтенная братія экзаменаторовъ,

суровыхъ инквизиторовъ, творцовъ разныхъ двоекъ, троекъ и шестерокъ, причинившихъ и вѣчно-причиняющихъ столько горя. О дѣти, дѣвицы и юноши, хотя-бы и оставленные на повторительный курсъ, или осужденные на переэкзаменовки! Я увѣренъ, что ваше доброе сердце не позволитъ вамъ смотрѣть на насъ съ подружелюбнымъ предубѣжденіемъ. Вы, конечно, знаете и чувствуете, что каждый изъ насъ является инквизиторомъ *malgré lui*, что не въ насъ причина вашей бѣды и что ваши двойки или шестерки и для насъ никакъ не служатъ источникомъ радости. Отдыхайте теперь и веселитесь, а вмѣстѣ съ вами отдохнемъ и мы, послѣ напряженнаго умственнаго труда наслаждаясь воскресшей природой и любуясь вашей молодостью.

Какъ годъ тому назадъ такъ и теперь, снова лежу я на травкѣ въ тѣни сосновой роци и опять мои мысли, какъ всегда, съ удовольствіемъ останавливаются на родной мнѣ академіи. Но какъ много для человѣка значитъ настроеніе! Кажется, такъ-же ярко блестятъ лучи іюньскаго солнца, тѣмъ-же чуднымъ ароматомъ дышетъ смолистый воздухъ, та-же радость и полнота жизни ключемъ бьетъ вокругъ меня и въ звонкихъ пѣсняхъ птицъ, и въ свѣжей зелени и въ бодрыхъ, торопливыхъ движеніяхъ каждой букашки, къ той-же родной академіи стремятся и мысли мои; но все это какъ будто веселитъ меня уже не такъ, какъ прежде. У каждой медали есть обратная сторона. Въ прошедшемъ году, подъ впечатлѣніемъ случайно припомнишагося разговора, я размышлялъ о своей академической жизни, достойно цѣня ее лишь съ одной, наиболѣе симпатичной стороны, а теперь событія послѣдняго времени невольно побуждаютъ меня взглянуть на эту жизнь съ другой точки зрѣнія, — взглянуть и призадуматься.

Въ концѣ минувшаго учебнаго года совершился цѣлый рядъ перемѣнъ въ личномъ составѣ академической корпорации.

Заслуженный экстраординарный профессоръ по каедрѣ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій, протоіерей Московской, Николаевской, въ Толмачахъ, церкви и редакторъ Душенполезнаго Чтенія, Д. О. Касицынъ подалъ въ Совѣтъ академіи прошеніе объ увольненіи его отъ академической службы и преемникомъ ему избранъ совѣтомъ, согласно про-

шенію, экстр. профессоръ В. А. Соколовъ, занимавшій до-селѣ кафедру новой гражданской исторіи, а на послѣднюю кафедру, по избранію совѣта, приглашенъ и изъявилъ свое согласіе вступить преподавателемъ Каменецъ-Подольской духовной семинаріи А. А. Спасскій. — Проф. Касицынъ окончилъ курсъ въ Московской академіи въ 1864-мъ году. До Юля 1867-го года онъ состоялъ на службѣ въ Виѣанской дух. семинаріи, гдѣ преподавалъ сперва патристику и греческій языкъ, а затѣмъ логику, психологію и латинскій языкъ. По переходѣ покойнаго профессора Н. К. Соколова на службу въ Московскій университетъ, Д. Θ. Касицынъ приглашенъ былъ преемникомъ ему въ Московскую академію бакалавромъ по кафедрѣ новой церковной исторіи. На этой кафедрѣ, преобразованной по уставу 1884-го года въ „исторію и разборъ западныхъ исповѣданій“, Д. Θ. и оставался во все продолженіе своей академической службы. 187⁵/₆ учебный годъ Д. Θ. съ Высочайшаго соизволенія по указу Св. Синода провелъ въ заграничной командировкѣ, причемъ преимущественнымъ мѣстомъ его научныхъ занятій были Германія и Италія. Въ августѣ 1889-го года онъ опредѣленъ былъ священникомъ къ Московской, Николаевской, въ Толмачахъ, церкви, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ и на академической службѣ до конца минувшаго учебнаго года. Тяжкая болѣзнь, постигшая Д. Θ. въ февралѣ текущаго года и мѣсяца на два привязавшая его къ постели, такъ ослабила его силы, что онъ не считъ уже болѣе возможнымъ продолжать свою службу родной академіи, сопряженную съ неизбежными неудобствами и безпокойствами еженедѣльныхъ, во всякое время года и при всякой погодѣ, путешествій изъ Москвы въ посадъ, и просилъ совѣтъ академіи объ увольненіи. Академическая корпорація, разставаясь съ своимъ заслуженнымъ сочленомъ, двадцать-пять лѣтъ потрудившимся на пользу академіи, выразила ему свои чувства въ слѣдующемъ адресѣ:

„Совѣтъ Московской Духовной Академіи, высоко цѣня Ваше многолѣтнее, всегда честное, весьма усердное и плодотворное служеніе Академіи на поприщѣ учено-литературномъ и при исполненіи должностныхъ Вашихъ обязанностей, по справедливости стяжавшее Вамъ званіе заслуженнаго профессора, съ глубокимъ сожалѣніемъ принялъ изъясненіе

Вами желаніи оставить службу при Академіи и только во вниманіе къ Вашей болѣзни не счелъ себя въ правѣ противиться исполненію этого Вашего желанія“.

„Возсылая горячія молитвы къ Господу силъ о исцѣленіи Васъ отъ болѣзни и о дарованіи Вамъ обновленія и укрѣпленія силъ для продолженія Вашего многоплоднаго служенія церкви, наукъ и духовному просвѣщенію, Совѣтъ Академіи, имѣя въ виду въ ближайшемъ будущемъ связать Ваше имя съ именемъ Академіи избраніемъ Васъ въ ея почетные члены, питаетъ полную увѣренность, что Вы и по оставленіи службы при Академіи не останетесь ей чужды по духу и будете считать ее себѣ родною, также какъ и она не перестаетъ и не перестанетъ считать Васъ дорогимъ для себя и роднымъ своимъ по духу сочленомъ“.— Адресъ этотъ по порученію академическаго совѣта доставленъ былъ о. протоіереемъ Д. Ѳ. Касицыну въ Москву экстраординарнымъ профессоромъ И. Н. Корсунскимъ.—На освободившуюся съ увольненіемъ прот. Касицына вакансію экстраординарнаго профессора совѣтомъ академіи избранъ доцентъ по кафедрѣ догматическаго богословія А. Д. Бѣляевъ, окончившій академическій курсъ въ 1876-мъ году и такимъ образомъ уже семнадцать лѣтъ находящійся на службѣ академіи.

Указомъ Св. Синода доцентъ по кафедрѣ священнаго писанія Новаго Завѣта М. Д. Муретовъ за свое сочиненіе „Ветхозавѣтный храмъ“, согласно удостоенію совѣта Московской и Казанской духовныхъ академій, утверждень въ степени доктора богословія. Вслѣдствіе этого утвержденія, совѣтъ академіи, въ засѣданіи своемъ 1-го Мая, избралъ М. Д. Муретова въ званіе ординарнаго профессора на свободную вакансію, имѣвшуюся по той группѣ предметовъ, къ которой относится кафедра Свящ. Писанія Новаго Завѣта. Послѣ своего избранія въ званіе ординарнаго профессора, М. Д. Муретовъ просилъ совѣтъ академіи уволить его отъ должности лектора французскаго языка и должность эта была предоставлена совѣтомъ доценту по кафедрѣ церковной археологіи и литургики А. П. Голубцову.

Съ окончаніемъ миновавшаго учебнаго года окончилъ свою академическую службу доцентъ по кафедрѣ патристики А. В. Мартыновъ. По рекомендаціи бывшаго ректора Харьков-

ской духовной семинаріи протоіерея И. А. Кратирова, нынѣ преосв. Іоанна, Епископа Сумскаго, и по избранію Высокопреосв. Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, А. В. Мартыновъ назначень Св. Синодомъ на должность ректора харьковской духовной семинаріи съ рукоположеніемъ въ священный санъ и съ возведеніемъ въ достоинство протоіерея. Сослуживцы А. В. по академіи, напутствуя его послѣ одиннадцатилѣтней академической службы на новое поприще дѣятельности, рѣшили поднести ему на прощанье изящный альбомъ, наполненный кабинетными портретами профессоровъ и должностныхъ лицъ академіи. На верхней, металлической съ украшениями, крышкѣ этого альбома вычеканена слѣдующая надпись: „Высокопочитаемому О. Протоіерею Александру Васильевичу Мартынову отъ сослуживцевъ по Московской Духовной Академіи на добрую память“. — На освободившуюся каѳедру патристики совѣтомъ академіи избранъ окончившій курсъ въ 1892-мъ году и оставленный при академіи профессорскимъ стипендіатомъ, кандидатъ богословія И. В. Поповъ, который, согласно требованію устава, прочиталъ 31-го мая, въ присутствіи совѣта, преподавателей и студентовъ, двѣ пробныя лекціи на темы: „о задачахъ, методѣ и планѣ патрологіи“ и „характеристика бл. Тертуллиана“. Обѣ лекціи совѣтъ призналъ удовлетворительными и потому опредѣлили ходатайствовать установленнымъ порядкомъ объ утвержденіи И. В. Попова въ званіи исправляющаго должность доцента по каѳедрѣ патристики. — Съ переходомъ въ Харьковъ прот. Мартынова освободилась еще въ Московской академіи должность лектора англійскаго языка, которую совѣтъ предоставилъ доценту по каѳедрѣ пастырскаго богословія и педагогики А. П. Шостыну.

Говоря о перемѣнахъ въ личномъ составѣ Московской академіи, нельзя наконецъ не упомянуть еще о томъ, что не однократно и даже на многолюдныхъ публичныхъ собраніяхъ громко сообщалось извѣстіе, что доцентъ по каѳедрѣ Священнаго писанія ветхаго завѣта, А. А. Ждановъ также оставляетъ академическую службу.

Итакъ, на пространствѣ одного-двухъ мѣсяцевъ столько перемѣнъ! Что-же означаютъ эти перемѣны, спросимъ мы, и не слѣдуетъ-ли призадуматься надъ ними и поискать ихъ

причинъ? Уходитъ съ академической службы заслуженный профессоръ, двадцать пять лѣтъ потрудившійся для богословской науки. Уходитъ другой послѣ одиннадцатилѣтней службы въ академи. Стремится наконецъ уйти и тотъ, ученая дѣятельность котораго насчитываетъ всего только лѣтъ шесть. Не думайте, чтобы эти переходы совершались также легко, какъ учитель семинаріи или гимназіи переходитъ иногда изъ одного города въ другой, или какъ чиновникъ совершаетъ свое обычное восхожденіе по ступенямъ административной лѣстницы. Нѣтъ. Всякій, сколько-либо знакомый съ жизнію нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, хорошо знаетъ, что въ научной дѣятельности, въ условіяхъ корпоративной академической жизни столько высокога и привлекательнаго, что рѣдко, намъ думается, можно встрѣтить такого человѣка, который способенъ былъ бы оторваться отъ родной ему академіи безъ жгучаго чувства боли. Если онъ всетаки отрывается, то въ большинствѣ случаевъ вынуждаемый къ тому гнетущею необходимостію. Развѣ легко напр.: человѣку, нѣсколько десятковъ лѣтъ вращавшемуся лишь въ сферѣ научныхъ интересовъ, на склонѣ жизни переходить на многотрудное поприще дѣятельности приходскаго пастыря церкви и развѣ пожелалъ бы онъ переживать этотъ тяжелый переломъ, еслибы впереди ему предстояла свѣтлая будущность хотя-бы скромнаго но вполнѣ безбѣднаго существованія и спокойной, обезпеченной старости?! Но вотъ этихъ-то условій въ наличности и не оказывается. При большой семьѣ существовать человѣку хотя-бы на двѣ тысячи экстраординарнаго профессорскаго оклада становится весьма труднымъ, когда дѣти подростутъ и когда для одного ихъ приличнаго образованія явится необходимость истратить изъ этого оклада по меньшей мѣрѣ половину. Въ большихъ городахъ профессора духовныхъ академій находятъ возможность, не оставляя академической службы, улучшить свои средства при помощи какихъ-либо постороннихъ занятій, занимаютъ каѳедры въ университетахъ, преподаютъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, служатъ при какихъ-либо ученыхъ или общественныхъ учрежденіяхъ и т. п., но наша посадская академія ставитъ профессора въ такія условія жизни, что онъ можетъ, кромѣ своего жалованья, добыть что-либо только

учено-литературнымъ трудомъ, вознаграждающимся, какъ извѣстно, въ нашей духовной прессѣ далеко не щедро. При такихъ обстоятельствахъ, какъ бы ни больно было человѣку разстаться съ своею наукой и академіей, онъ волей-неволей вынуждается искать себѣ какаго-либо другаго, болѣе благоприятнаго положенія. Да и что у него впереди, если онъ какъ нибудь перетерпитъ и останется на академической службѣ? Что обѣщать ему и его семьѣ будущее, когда силы ослабѣютъ и продолжать ученую службу не будетъ уже никакой возможности? *Восемьсотъ рублей пенсіи*, — цифра, краснорѣчиво говорящая сама за себя! А вѣдь экстраординарный профессоръ въ академическомъ мірѣ представляетъ собою еще не послѣднюю величину. Ниже его стоитъ меньшая братія доцентовъ, которымъ не мало приходится потерпѣть прежде чѣмъ удастся дослужить до такого положенія. Сейчасъ только мы имѣли случай указать въ числѣ перемѣнъ, происшедшихъ въ личномъ составѣ нашей академіи, фактъ, что на освободившуюся вакансію экстраординарнаго профессора избранъ совѣтомъ человѣкъ, прослужившій уже семнадцать лѣтъ въ званіи доцента. Это-ли не обратная сторона академической службы?! Человѣкъ учится 14 или 16 лѣтъ, проходитъ съ блестящимъ успѣхомъ тяжелый путь школы, оканчиваетъ курсъ во главѣ списка своихъ товарищей, пишетъ кандидатскія и магистерскія диссертациі и послѣ долговременнаго приготовительнаго искусства, послѣ многихъ трудовъ, наконецъ достигаетъ вѣнца своихъ усилій—занимаетъ должность доцента академіи и награждается *окладомъ въ 1200 рублей* съ правомъ просидѣть на немъ лѣтъ семнадцать. Не правда-ли, завидная перспектива? И не думайте, что семнадцатилѣтнее ожиданіе экстраординарной профессуры представляетъ собою какое-либо неслыханно-рѣдкое исключеніе. Ничуть не бывало. Въ настоящее время въ нашей академіи есть и еще доцентъ, прослужившій уже семнадцать лѣтъ и дай только Господи ему силъ и крѣпости терпѣнія, ибо неизвѣстно еще, когда окончится его пребываніе въ этомъ почтенномъ званіи. Можно-ли послѣ того удивляться, что находятся люди, которые не считаютъ себя способными и обязанными къ такому подвигу и при удобномъ случаѣ предпочитаютъ, хотя бы и скрѣпя сердце,

оставить службу при академіи, потрудившись съ честію лѣтъ шесть или десять въ званіи доцента и не предвидя скорой возможности улучшенія своего положенія. Всякій имѣетъ право сказать: homo sum et nihil humanum a me alienum puto.

Почему-же такъ медленно совершается у насъ восхождение по ступенямъ академической служебной лѣстницы? Почему людямъ иногда приходится уходить изъ академіи прежде, чѣмъ удастся достигнуть въ ней хорошаго положенія?—Вотъ вопросъ, надъ разьясненіемъ котораго можно и слѣдуетъ призадуматься.

Въ академіи, какъ и на всякомъ другомъ служебномъ поприщѣ, молодой человѣкъ начинаетъ свою службу, конечно, съ низшихъ степеней и съ меньшихъ окладовъ. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ ученыхъ заслугъ и лѣтъ службы, онъ повышается на высшія должности, изъ доцента становится экстраординарнымъ профессоромъ и затѣмъ достигаетъ высшаго положенія профессора ординарнаго. При нормальномъ порядкѣ это восхождение должно совершаться и совершается такъ, чтобы человѣкъ не сидѣлъ по пятнадцати или семнадцати лѣтъ на младшемъ окладѣ, чтобы ему не загорожено было навсегда движеніе впередъ и чтобы онъ не доводился до такого положенія, когда у него наконецъ теряется терпѣніе и онъ считаетъ себя вынужденнымъ бросить академическую службу. Если подобныя явленія повторяются, то существующій порядокъ, по нашему мнѣнію, нужно признать не вполне нормальнымъ и для блага богословской науки и духовнаго просвѣщенія слѣдуетъ позаботиться объ изысканіи средствъ для его возможнаго исправленія.

Таковыми средствами могутъ, намъ думается, служить: 1) реформа по вопросу о пенсіяхъ и 2) уничтоженіе группъ.

По вопросу о пенсіяхъ изъ академической среды давно уже раздавались горькія жалобы, которыя не прекращаются до послѣдняго времени и, конечно, не прекратятся до тѣхъ поръ, пока вопросъ этотъ не получитъ удовлетворительнаго рѣшенія. Очень недавно напр.: въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, издаваемомъ при С.-Петербургской духовной академіи“, въ статьѣ, посвященной памяти покойнаго профессора А. И. Предтеченскаго, профессоръ Лопухинъ называлъ этотъ дав-

пій вопросъ „серьезною и глубокою нуждою, которая давно уже настоятельно требуетъ удовлетворенія“. Въ существующемъ академическомъ порядкѣ относительно пенсій „представляется, по его словамъ, крайне ненормальная, а вмѣстѣ съ тѣмъ и довольно обидная сторона академической жизни“. „Когда профессоръ, говоритъ онъ, долженъ выходить въ отставку, онъ сразу долженъ съ трехъ-тысячнаго содержания сойти на пенсію всего въ тысячу сто рублей для ординарнаго и лишь восемьсотъ рублей для экстраординарнаго. Перспектива поистинѣ печальная“... Эта „самая печальная сторона перспективы осталась и доселѣ, не смотря на то, что въ императорскихъ университетахъ въ этомъ отношеніи давно уже произведено должное преобразование, которое мало-по-малу распространилось и на всѣ другія высшія учебныя заведенія, за исключеніемъ однихъ только духовныхъ академій, какъ будто въ томъ предположеніи, что онѣ долѣе могутъ мириться съ положеніемъ, которое признано заключающимъ въ себѣ вопіющую несправедливость и уже преобразовано какъ такое“¹⁾. Вотъ это-то обстоятельство, т. е. крайнее несоотвѣтствіе пенсій окладамъ жалованья, и отзывается тяжелыми послѣдствіями на всемъ строѣ академической жизни. Пока профессорскія пенсіи остаются въ настоящихъ своихъ скудныхъ размѣрахъ, старецъ—профессоръ по необходимости вынуждается не покидать академической службы до самой послѣдней возможности и готовъ оставаться на ней, если двигаются ноги, хотя бы пятьдесятъ и болѣе лѣтъ. Мы не споримъ противъ того, что продолжающаяся служба такого почтеннаго профессора иногда приноситъ великую пользу академіи; но нельзя не сознаться, что подобные примѣры далеко не часты. Да и можно-ли въ самомъ дѣлѣ требовать, чтобы человѣкъ, на склонѣ лѣтъ, когда онъ многими годами упорнаго труда приобрѣлъ себѣ полное право на покой и отдыхъ, когда его слабѣющія силы въ особенности нуждаются въ удобствахъ жизни, добровольно отказался отъ трехтысячнаго или двухтысячнаго профессорскаго оклада и перешелъ на пенсію, почти втрое мѣньшую по размѣрамъ. Къ такому подвигу его можетъ вынудить, конечно, лишь крайняя необходи-

¹⁾ Церковный Вѣстникъ № 21 стр. 327—328.

мость, а пока ся нѣтъ онъ служить и будетъ служить до самой послѣдней возможности. А между тѣмъ его вынужденная служба загораживаетъ дорогу другимъ и молодой человѣкъ, часто вполне достойный лучшей участи, до сѣдыхъ волосъ сидитъ доцентомъ или бросаетъ академическую службу. При возвышенныхъ пенсіонныхъ окладахъ профессоръ академіи даже и въ томъ случаѣ, если его служебное повышение пойдетъ не особенно быстро, охотнѣе помирится съ своею судьбой и не поспѣшитъ бросать академическую службу преждевременно, ибо будетъ увѣренъ, что достигнувъ всетаки рано или поздно высшаго служебнаго положенія, онъ приобрететъ себѣ тѣмъ спокойную и обеспеченную старость.

Другое, указанное нами, средство къ возможному установленію въ служебномъ академическомъ строѣ болѣе нормальнаго порядка состоитъ въ уничтоженіи группъ.

Въ настоящее время всѣ академическія кафедры распределены на восемь группъ, при чемъ ординарныя профессуры обязательно приурочиваются къ этимъ группамъ, такъ что на каждой группѣ долженъ быть только одинъ ординарный профессоръ. Такой порядокъ, по нашему мнѣнію, не всегда оказывается справедливымъ и ставитъ подчасъ многихъ членовъ академической корпораціи въ совершенно не заслуженное ими тяжелое положеніе. Академическій уставъ требуетъ, чтобы въ званіе ординарнаго профессора возводился только ¹⁾ тотъ, кто имѣетъ докторскую степень. Никто, конечно, не станетъ возражать противъ этого требованія, ибо что можетъ быть естественнѣе и законнѣе того, чтобы въ ученой корпораціи удостоивался высшаго служебнаго положенія только тотъ, кто имѣетъ на то, по трудамъ и заслугамъ своимъ, преимущественное научное право. Профессоръ академіи написавшій солидный ученый трудъ и получившій за него степень доктора, достойно и праведно долженъ быть вознагражденъ за это званіемъ ординарнаго и соединеннымъ съ нимъ высшимъ академическимъ окладомъ; но при существующемъ распределеніи предметовъ по группамъ такой вполне естественный результатъ научныхъ усилій человѣка оказывается иногда еще весьма сомнитель-

¹⁾ За однимъ исключеніемъ, предусмотрѣннымъ 45 параграфомъ устава.

нымъ. Представьте себѣ, что на той группѣ, къ которой отнесена кафедра новаго доктора, уже имѣется одинъ ординарный профессоръ. Въ такомъ случаѣ новый докторъ никакого служебнаго повышенія съ пріобрѣтеніемъ высшей ученой степени не получаетъ, хотя-бы имѣлось въ наличности даже нѣсколько праздныхъ ординарныхъ вакансій, пріуроченныхъ къ другимъ группамъ. вмѣсто естественнаго движенія на служебной академической лѣстницѣ, котораго можно было-бы ожидать при возведеніи кого-либо въ высшую ученую степень, остается прежній застой. Новый докторъ, по прежнему, пребываетъ въ званіи экстраординарнаго профессора, а слѣдующій затѣмъ по старшинству и заслугамъ доцентъ, которому была-бы предоставлена экстраординарная вакансія, сидитъ еще годы на своемъ младшемъ окладѣ. И все это происходитъ тогда, когда, повторяю, на другихъ группахъ имѣется нѣсколько праздныхъ ординарныхъ вакансій, за немѣніемъ тамъ людей, получившихъ докторскую степень. Гдѣ-же тутъ справедливость? Человѣкъ, вполне заслужившій повышеніе, безъ всякаго резоннаго основанія не получаетъ его, а въ то-же время нѣсколько высшихъ вакансій остаются праздными и изъ скуднаго годоваго бюджета, ассигнованнаго на профессорскіе оклады, отсылается еще излишекъ обратно въ казну. Описываемый случай не измышленъ нами, какъ возможный только, но имѣется на лицо и въ настоящее время въ нашей Московской академіи. Уничтожьте не имѣющее никакого научнаго значенія распредѣленіе академическихъ кафедръ и ординатуръ по группамъ и такія, очевидно ненормальныя, явленія имѣть мѣста не будутъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правильное восхожденіе по ступенямъ служебной академической лѣстницы не будетъ встрѣчать себѣ лишнихъ безпричинныхъ преградъ.

Существующее распредѣленіе кафедръ и ординатуръ по группамъ сопровождается и другимъ, хотя не такъ замѣтнымъ, по, думается, не менѣе вреднымъ послѣдствіемъ въ общемъ ходѣ академической жизни. Введенное уставомъ 1884 года распредѣленіе это застало, конечно, многихъ ординарныхъ профессоровъ уже существующими на академической службѣ. Само собою разумѣется, что новый законъ не могъ имѣть на нихъ обратнаго дѣйствія и они

остались ординарными профессорами на своихъ кафедрахъ независимо отъ того, къ какой группѣ отнесены теперь ихъ кафедры. Результатъ получился такой, что теперь на нѣкоторыхъ группахъ имѣется по два и даже по три ординарныхъ профессора до тѣхъ поръ пока, съ окончаніемъ почему-либо ихъ службы, мало-по малу положеніе дѣлъ на этихъ группахъ не приведено будетъ къ требуемому уставомъ порядку, т. е. пока число ихъ не сведется къ одному. Представьте-же себѣ положеніе такого доцента или экстр. профессора, котораго судьба посадила на группу, гдѣ имѣются уже три или два ординарныхъ. При всемъ своемъ желаніи серьезно заниматься наукой и создать какой-либо, можетъ быть капитальный, ученый трудъ, онъ невольно опуститъ руки, когда вполне увѣренъ, что если бы у него было хотя нѣсколько докторскихъ дипломовъ, онъ всетаки осужденъ на вѣчное сидѣніе въ званіи экстраординарнаго профессора за неимѣніемъ на своей группѣ ординарной вакансіи. Понятно, что, подъ впечатлѣніемъ постоянно заявляющихъ о себѣ насущныхъ потребностей жизни, онъ скорѣе предпочтетъ писать для журналовъ легкія статьи, или искать себѣ какихъ-либо стороннихъ заработковъ, чѣмъ трудиться надъ докторскою диссертацией изъ одной чести получить ученую степень безъ надежды пріобрѣсти вмѣстѣ съ тѣмъ какое-либо служебное повышеніе. Уничтожьте распредѣленіе кафедръ по группамъ и тогда всякому, желающему трудиться, путь впередъ не будетъ загороженъ совершенно безпричинными преградами.

Вотъ о чемъ думается мнѣ теперь въ сосновой рошѣ и вотъ почему думы мои, хотя и сосредоточиваются на той-же академической жизни, оказываются далеко не радужными. Не о томъ размышляю я на сей разъ, что представляется въ этой жизни высокимъ и привлекательнымъ, а о томъ, что составляетъ въ ней обратную сторону, ея печаль и заботу, и что хотѣлось бы видѣть устраненнымъ и исправленнымъ.

При всякомъ затрудненіи человѣку, какъ и цѣлому обществу, всего естественнѣе, конечно, позаботиться прежде всего о томъ, чтобы помочь себѣ собственными силами и тѣми средствами, какія имѣются въ его ближайшемъ непосредственномъ распоряженіи. Однимъ изъ видовъ такой

самопомощи слѣдуетъ, мнѣ думается, признать существующій теперь въ нашей академіи порядокъ замѣщенія должностей лекторовъ новыхъ языковъ. Въ практикѣ совѣта Московской академіи въ послѣднее время установился похвальный обычай смотрѣть на лекторскую должность какъ на приличное вспомошествованіе, которое должно быть предоставляемо наиболѣе нуждающимся членамъ академической корпорации, а потому при вопросѣ о замѣщеніи вакантной должности лектора совѣтъ имѣетъ въ виду не только способность того или другаго лица къ преподаванію извѣстнаго языка, но вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдаетъ, чтобы должность эта обязательно предоставлялась доценту, имѣющему за собою старшинство академической службы. Обычай этотъ пользуется въ корпорации такимъ всеобщимъ сочувствіемъ и такъ старательно поддерживается, что всякій доцентъ, занимавшій прежде лекторскую должность, при полученіи экстраординарной или ординарной профессуры считаетъ своею нравственною обязанностию отказаться отъ этой должности, которая и предоставляется совѣтомъ кому-либо изъ доцентовъ. Такъ было напр. и при указанныхъ нами послѣднихъ перемѣнахъ въ личномъ академическомъ составѣ. Лишь только доцентъ М. Д. Муретовъ, получившій степень доктора богословія, избранъ былъ совѣтомъ въ званіе ординарнаго профессора, онъ тотчасъ-же просилъ уволить его отъ должности лектора французскаго языка и эта должность предоставлена была *доценту* А. П. Голубцеву. Освободившаяся съ выходомъ изъ академіи доцента А. В. Мартынова лектура англійскаго языка также предоставлена *доценту*, А. П. Шостыну.

Говоря о матеріальныхъ средствахъ академической корпорации, нельзя не упомянуть съ чувствомъ глубокой признательности незабвенныя имена Высокопреосвященныхъ Митрополитовъ Московскихъ Филарета и Макарія и Преосвященнаго Епископа Курскаго Михаила, которые, сами бывъ лучшимъ украшеніемъ богословской науки, и по смерти своей не перестаютъ ежегодно благодѣтельствовать ея служителямъ. — Въ минувшемъ учебномъ году очередная премія митроп. Филарета предоставлена была правленіемъ академіи экстр. профессору Н. П. Корсунскому (640 руб.), а затѣмъ въ Мартовскомъ засѣданіи совѣта происходило обыч-

ное присужденіе премій митроп. Макарія и еп. Михаила. На большую Макаріевскую премію (500 руб.) представлепъ былъ совѣту трудъ проф. Е. Е. Голубинскаго „Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра“. Въ отзывѣ своемъ объ этомъ трудѣ проф. А. П. Лебедевъ, между прочимъ, писалъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ члены совѣта благовременно прочли это сочиненіе и убѣдились, что оно по своимъ достоинствамъ стоитъ на той-же высотѣ, на какой стоятъ и прежнія его сочиненія,— разумѣю главнымъ образомъ двухтомный его трудъ. „Исторія Русской церкви“, создавшій громкое ученое имя профессору Голубинскому“. „Представляя произведеніе Е. Е. на премію, я нахожусь въ увѣренности, что тѣмъ самымъ иду на встрѣчу такому же желанію всѣхъ прочихъ членовъ Совѣта“.—Само собою разумѣется, что увѣренность проф. Лебедева не обманула его и совѣтъ съ особеннымъ удовольствіемъ присудилъ проф. Голубинскому полную Макаріевскую премію.

Двойную премію преосв. Михаила (422) совѣтъ присудилъ экстр. орд. профессору Г. А. Воскресенскому за его трудъ „Древне-Славянскій Апостоль. Посланія Св. Ап. Павла по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій рукописнаго славянскаго Апостольскаго текста, съ разночтеніями изъ пятидесяти одной рукописи Апостола XII—XVI вв. Выпускъ 1-й. Посланіе къ Римлянамъ“.—Доцентъ М. Д. Муретовъ въ отзывѣ своемъ указывалъ совѣту такіа достоинства этого труда: 1) Самостоятельность изслѣдованія не только по рукописнымъ источникамъ, но и по выводамъ къ которымъ пришелъ авторъ на основаніи изученнаго имъ рукописнаго матеріала... 2) Обширность и полнота изученія источниковъ не только по 55 спискамъ Апостола, имѣющимся въ русскихъ и заграничныхъ книгохранилищахъ, но и по всѣмъ другимъ памятникамъ древне-славянскаго письменности въ коихъ находятся чтенія апостольскаго текста. 3) Тщательность изданія, представляющая въ трудахъ подобнаго рода существенное достоинство. 4) Наконецъ плодотворность труда для научнаго изслѣдованія славянскаго текста Новаго Завѣта, заключающаяся въ томъ, что трудъ Г. А. Воскресенскаго составитъ твердую основу для всѣхъ дальнѣйшихъ работъ по тому-же предмету...“

Такія-же достоинства труда проф. Воскресенскаго указывалъ въ своемъ отзывѣ совѣту и проф. И. П. Корсунскій, прибавляя, кромѣ того, что трудъ этотъ имѣетъ важное значеніе, между прочимъ, и „въ отношеніи къ исправленію славяно-русскаго перевода Библии, что особенно важно въ виду предпринятаго нынѣ Высшею Церковною властію дѣла пересмотра и исправленія русскаго и славянскаго перевода Новаго Завѣта“.

Малую Макаріевскую премію (300 р.), спеціально предназначенную по правиламъ для магистерскихъ диссертаций, совѣтъ присудилъ инспектору академіи, архим. Григорію за его книгу: „Третье благовѣстническое путешествіе Св. Апостола Павла (изъясненіе Дѣян. XVIII, 22—XXI, 16 и Галат. II, 11—12),—опытъ историко-эксегетическаго изслѣдованія“. Въ отзывѣ своемъ о книгѣ о. Григорія доцентъ М. Д. Муретовъ указывалъ такія ея достоинства: „1) Незаурядную обширность труда, состоящую въ изученіи многочисленныхъ *пособій* по критикѣ текста, по толкованію относящихся къ данному вопросу отдѣловъ Новаго Завѣта, по Апостольской исторіи, по новозавѣтной филологіи, археологіи, географіи и пр.,—и *источниковъ*, заключающихся, кромѣ свящ. текста Новаго Завѣта, въ писаніяхъ древнихъ авторовъ (Геродота, Страбона, Плинія, Иосифа Флавія и др.).—2) Тщательность работы, обнаруживающуюся какъ въ полной и обширной цитаци и въ приложенныхъ трехъ указателяхъ, такъ и особенно въ простомъ, отчетливомъ, стройномъ и, по мѣстамъ, художественномъ изложеніи. 3) Важность и плодотворность труда, долженствующаго составить настольную книгу для русскихъ библейскихъ историковъ, эксегетовъ, географовъ и археологовъ“.

Въ минувшемъ учебномъ году въ Московской академіи учреждена и еще одна премія съ спеціальнымъ, по мысли учредителя, назначеніемъ. Преосвященный Николай (Зиоровъ), Епископъ Алеутскій и Аляскинскій, воспитанникъ Московской академіи 30-го выпуска, 1875-го года, съ искреннею признательностію и благоговѣніемъ чти память незабвеннаго о. ректора, протоіерея Александра Васильевича Горскаго, подъ руководствомъ котораго проходилъ онъ всѣ годы своего академическаго курса, прислалъ въ академію триста (300) рублей „съ тѣмъ, чтобы Совѣтъ выдалъ оныя

тому лицу, изъ наставниковъ или студентовъ Академіи, — *въ видѣ премии*, кто составитъ *обстоятельную біографію* покойнаго Ректора Моск. Дух. Академіи, Прот. *Александра Васильевича Горскаго*. „Лично для меня“, писалъ далѣе Преосвященный въ своемъ письмѣ къ о. ректору, Архим. Антонію, „было бы желательпо, чтобы составитель біографіи остановился вниманіемъ своимъ не столько на научной оцѣнкѣ трудовъ почившаго, сколько на изображеніи *его высоконравственной личности*. Отношенія покойнаго А. В. Горскаго къ своимъ Архипастырямъ (Филарету и Иннокентію), къ своимъ родственникамъ, особенно-же къ матери, къ наставникамъ и студентамъ Академіи настолько поучительны, что, думаю, не безъ пользы прочитаются всякимъ, особенно-же учащеюся молодежью. Впрочемъ, прибавлялъ Преосвященный, все это я высказываю только какъ свое *pium desiderium*; составитель біографіи, согласно указаніямъ совѣта, можетъ и не стѣсняться памѣченными мною рамками“. — Все питомцы Московской академіи, а въ особенности тѣ, которые имѣли счастье воспитываться подъ отеческимъ руководствомъ, незабвеннаго Александра Васильевича, конечно, отнесутся къ мысли и доброму дѣлу Преосвященнаго Николая не иначе, какъ съ полнымъ сочувствіемъ и благодарностію. Многіе годы академической дѣятельности Александра Васильевича составляютъ собою такія драгоцѣнныя страницы въ исторіи Московской академіи, что всякій ея питомецъ искренно пожелаетъ, чтобы они нашли себѣ вполне достойное изображеніе. Пельзя, конечно, не сознаться, что будущему составителю „обстоятельной біографіи“ предстоитъ весьма не легкая задача. Не легка она прежде всего потому, что имѣется почти цѣлый архивъ мелкимъ — бисернымъ почеркомъ собственно-ручно исписанныхъ бумагъ Александра Васильевича, заключающихъ въ себѣ его научные труды и замѣтки, проповѣди, дѣловую, ученую и родственную переписку и т. д. Чтобы разобраться въ этихъ бумагахъ нужно крѣпкое зрѣніе и не мало труда, облегчающагося впрочемъ нѣсколько благодаря уже существующимъ въ печати многимъ замѣткамъ, характеристикамъ и воспоминаніямъ, разсыяннымъ въ разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ періодическихъ изданіяхъ. Но главная трудность, предстоящая будущему біографу Але-

ксандра Васильевича, состоитъ, конечно, въ величіи самаго предмета. Не малый нуженъ талантъ, чтобы величественный образъ глубоко религіознаго, искренно и горячо вѣрующаго, высоко-ученаго и неутомимаго въ трудѣ, отечески-нѣжнаго и любвеобильнаго, дѣтски-чистаго и въ мысляхъ и въ жизни, пастырски строгаго и вмѣстѣ безконечно-незлобиваго „папаша“, какъ звали его всѣ въ академіи, изобразить сколько-либо достойными его чертами. Личное вліяніе почившаго о. ректора на окружающихъ оставляло всегда такой глубокой и неизгладимый слѣдъ, что, намъ думается, и біографомъ его съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ можетъ быть только тотъ, кто имѣлъ счастье воспитываться подъ его руководствомъ и стоять съ нимъ въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ. Такой человекъ менѣе способенъ будетъ утрашиться и трудностей предстоящей ему задачи, ибо онъ несомнѣнно такъ будетъ проникнуть любовію къ своему предмету, что станетъ работать съ увлеченіемъ и самыя трудности преодолѣвать съ наслажденіемъ. Дай Богъ намъ поскорѣ увидѣть предначертанное Преосвященнымъ Николаемъ доброе дѣло въ рукахъ вполне достойнаго исполнителя!

Предоставляемое доцентамъ академіи преподаваніе новыхъ языковъ и двѣ-три ежегодныхъ преміи представляютъ собою весь запасъ тѣхъ средствъ, какія имѣются въ распоряженіи академической корпораціи для того, чтобы по возможности улучшить матеріальное положеніе своихъ сочленовъ. Конечно, эти средства оказываютъ свое благотворное дѣйствіе, но первое изъ нихъ касается лишь немногихъ, а второе, по самому существу своему, не всегда выпадаетъ на долю людей, наиболѣе нуждающихся, или обиженныхъ въ движеніи по службѣ. Эти средства помогаютъ, слѣдовательно, только иногда и отчасти, а для болѣе широкаго улучшенія существующаго порядка нужны, очевидно, и такія средства, которыя имѣли-бы болѣе широкое примѣненіе. Изысканіе и осуществленіе подобныхъ общаго характера средствъ стоитъ уже за предѣлами компетенціи академической корпораціи, которой въ этомъ случаѣ остается лишь высказывать свои желанія и по мѣрѣ силъ ходатайствовать объ ихъ исполненіи. Такой именно путь и указанъ былъ въ минувшемъ учебномъ году Московской академіи

однимъ изъ посѣтившихъ ее Россійскихъ первоіерарховъ, Высокопр. Іоанникиемъ, Митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ.

Бывшій глава и покровитель Московской Духовной Академіи, 17 Марта текущаго года, въ Среду на 6 седмицѣ великаго поста, проѣздомъ изъ Петербурга въ Кіевъ, еще разъ удостоилъ ее своимъ посѣщеніемъ. Прибывъ въ Сергіевъ посадъ наканунѣ съ вечернимъ поѣздомъ и встрѣченный на желѣзно-дорожной станціи, старшею монастырскою братіей, начальствующими лицами академіи и большою толпою студентовъ, Его Высокопреосвященство остановился въ лаврскихъ покояхъ. На другой день, по дѣйствующему академическому уставу, въ домовоіи церкви академіи совершалась литургія Преждеосвященныхъ даровъ, за которою Высокопр. Владыка, отстоявъ заутреню въ Лаврѣ, пожелалъ присутствовать. Къ десяти часамъ утра Его Высокопреосвященство прибылъ въ академическую церковь, куда собрались уже всѣ профессора, должностныя лица и студенты академіи, и послѣ торжественной встрѣчи, снявъ мантию, остался въ алтарѣ на все время богослуженія часовъ и литургіи. По окончаніи божественной службы Владыка вышелъ на амвонъ и обратился къ студентамъ съ слѣдующими немногими милостивыми словами: „Благодарю васъ за добрую память обо мнѣ, которую, не смотря на мое недостойство, вы выражаете теперь и выразили вчера, встрѣтивъ меня и въ вечерній часъ и въ неблагопріятную погоду. Лично каждому изъ васъ я, конечно, не сдѣлалъ ничего хорошаго, но о благѣ студентовъ не только Московской академіи, но и всѣхъ академій вообще всегда заботился, по мѣрѣ своихъ силъ, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, по милости Божіей, заботы мои не остались безплодными. Благословеніе Господне да будетъ со всѣми вами!“ — Преподавъ затѣмъ благословеніе всѣмъ учащимъ и учащимся, каждому въ отдѣльности, Владыка прослѣдовалъ въ квартиру о. ректора, гдѣ въ продолженіи двадцати минутъ бесѣдовалъ съ окружившею его академической корпораціей. Во время этой бесѣды Архипастырь пожелалъ, между прочимъ, получить объясненіе, почему одинъ изъ доцентовъ намѣревается оставить службу при академіи. Въ отвѣтъ на это, о. ректоръ указалъ на ограниченность матеріальнаго обезпеченія служащихъ въ

академіи и на крайнюю трудность семейному челоѣку продолжать академическую службу, оставаясь много лѣтъ на младшемъ, доцентскомъ окладѣ. Когда при этомъ о. ректоръ замѣтилъ, что для устранения чрезмѣрной медленности въ служебныхъ повышеніяхъ лицъ преподавательскаго персонала желательны были-бы въ существующемъ академическомъ порядкѣ нѣкоторыя измѣненія, Владыка изволилъ подать надежду, что такія желательныя и полезныя измѣненія могутъ быть и будутъ произведены высшею властію, если совѣтъ академіи возбудитъ о томъ ходатайство установленнымъ порядкомъ и если таковое ходатайство признано будетъ основательнымъ. --- Бесѣда въ квартирѣ о. ректора не могла быть продолжительною, такъ какъ Его Высокопреосвященство послѣшалъ на поѣздъ и потому простившись съ корпораціей, сопровождаемый пѣніемъ „исъ полла эти деспота“ собравшихся на лѣстницѣ и у поѣзда студентовъ, выбылъ изъ академіи.

Московская академія, встрѣчая Высокопр. Владыку Кіевскаго и бесѣдуя съ нимъ о потребности ходатайства предъ высшею властію относительно своихъ нуждъ и желаній, ни на минуту не забывала и не могла забыть о томъ, кто составляетъ ея естественную надежду и опору о Высокопреосвященнѣйшемъ Владыкѣ Московскомъ, своемъ отъ Бога данномъ ходатаѣ, главѣ и покровителѣ. Еще очень не много времени прошло съ той поры, какъ Высокопр. Леонтій вступилъ въ управленіе Московскою митрополіей, а и въ это короткое время академія успѣла увидѣть съ его стороны столько къ себѣ милостиваго расположенія, столько крупныхъ и ощутительныхъ знаковъ этого расположенія, выражавшагося не словами только, а самымъ дѣломъ, что имя его чтится и навсегда останется глубоко чтимымъ, какъ имя истиннаго покровителя академіи. Не можетъ она никогда забыть того сердечнаго радушія, той отеческой ласки, съ какими, при своихъ посѣщеніяхъ академіи, Владыка относился всегда къ ея профессорской корпораціи и студентамъ; видѣла и видитъ она, съ какимъ сочувствіемъ и готовностію къ содѣйствію внимаеть Владыка ея нуждамъ и благимъ желаніямъ; высоко и признательно цѣнитъ она тѣ немалыя матеріальныя жертвы, какія щедрый Архипастырь не задумался принести на пользу своей академіи и

духовнаго просвѣщенія, которому служить она, въ особенности при перестройкѣ академическаго храма и при осуществленіи задуманнаго академіею и теперь уже благополучно исполненнаго предпріятія юбилейныхъ изданій къ торжественному дню пятисотлѣтія памяти Препод. Сергія. Понятно послѣ этого съ какою сердечною грустью встрѣтила академія печальную вѣсть о болѣзни своего Покровителя, какъ горячо молилась и молится ¹⁾ она объ его исцѣленіи, съ какою радостію спѣшила привѣтствовать Владыку при первомъ слухѣ о поправленіи его здоровья, съ какимъ удовольствіемъ читала и перечитывала тотъ милостивый отвѣтъ, который Его Высокопреосвященству угодно было прислать академіи на ея привѣтствіе и который еще разъ свидѣтельствовалъ о неизмѣнномъ расположеніи Владыки къ своей академіи. ²⁾ — Лишенная радости личныхъ свиданій съ своимъ Покровителемъ, Московская академія пользуется теперь всякимъ случаемъ, чтобъ хотя письменно вступить съ нимъ въ общеніе. Двадцать третьяго Мая, въ день тезоименитства Высокопр. Владыки, въ академическомъ храмѣ, въ присутствіи всѣхъ профессоровъ, должностныхъ лицъ и студентовъ академіи, о. иппекторомъ архим. Григоріемъ, соборне, совершена была божественная литургія и послѣ оной молебствіе, а о. ректоръ, архимандритъ Антоній заблаговременно отправился въ Москву и отъ лица и за подписью всей академіи представилъ Его Высокопреосвященству слѣдующее привѣтствіе: „Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ! — Московская Духовная Академія, всегда исполненная почтительнѣйшею любовью къ Вашему Высокопреосвященству, благопочтительнѣйше привѣтствуетъ Васъ по прежнему обычаю со днемъ Ангела и усугубляетъ въ сей день свои молитвы объ окончательномъ возвращеніи Вашему Высокопреосвященству отъ Господа полного здоровья и крѣпости силъ на радость и пользу Академіи и Епархіи“. — Черезъ два дня послѣ этого, ака-

¹⁾ Настоящая статья написана еще залого до кончины Высокопр. Владыки. Теперь Академія уже молится объ его упокоеніи.

²⁾ Привѣтственный адресъ академіи и отвѣтъ на него Его Высокопреосвященства напечатаны въ Майской книжкѣ Б. В.

демія удостоилась получить отъ Его Высокопреосвященства слѣдующій отвѣтъ:

„Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи.

Получивъ чрезъ о. Ректора отъ Профессоровъ и служащихъ въ Академіи привѣтствіе въ день Ангела, долгомъ считаю поблагодарить за поздравленіе и высказанныя благожеланія. Съ своей стороны желаю всѣмъ въ наступающее каникулярное время пріятно отдохнуть отъ трудовъ, чтобы съ обновленными силами начать новый учебный годъ.“

Подписано: „Леонтій, Митрополитъ Московскій“.

Съ искреннею признательностію прочитали мы эти отечески-благожелательныя строки и нерѣдко вспоминаемъ ихъ теперь, когда время отдыха дѣйствительно уже наступило. Всякій знаетъ, какъ драгоцененъ этотъ отдыхъ для всякаго трудящагося человѣка, и какую высокую цѣну имѣеть онъ въ частности для того, кто живетъ нервно-напряженною жизнію уметвеннаго труда. Тѣмъ драгоценнѣе намъ теперь этотъ отдыхъ, что не отъ труда только приходится многимъ изъ насъ искать себѣ успокоенія, но и отъ тѣхъ мрачныхъ, удручающихъ впечатлѣній, которыя жестоко преслѣдовали насъ въ минувшемъ учебномъ году. Этотъ, печальной памяти, годъ былъ просто ужаснымъ для Московской Духовной Академіи и неслыханнымъ въ ея дѣтнописяхъ за весь почти восьмидесятилѣтній періодъ ея существованія. У всѣхъ еще свѣжо воспоминаніе, какъ недавно трепетала вся Русь подъ страхомъ надвигавшейся, а во многихъ мѣстахъ уже и свирѣпствовавшей, холеры. Отъ этой ужасной бѣды сохранилъ насъ Господь, но Его карающая и вразумляющая десница всетаки грозно простерлась надъ Московской академіей и ангелъ смерти не миновалъ ее. Въ первые-же мѣсяцы минувшаго учебнаго года двѣ свѣжія студенческія могилы уже появились на нашемъ академическомъ кладбищѣ ¹⁾, но, увы, это было лишь начало болѣзней.—

Въ воскресенье 24-го Января въ академическомъ храмѣ снова раздались печальныя звуки: „со святыми упокой,“— то была получена вѣсть о кончинѣ студента 4-го курса

1) См. объ этомъ В. В. Февраль, стр. 371—375. —

Геннадія Ильича Спасскаго, послѣдовавшей въ г. Вологдѣ 18-го Января. — Сынъ священника Гавріило-Архангельской церкви г. Вологды, Геннадій Ильичъ, по окончаніи курса въ Вологодской семинаріи, поступилъ въ академію въ Августѣ 1888-го года. Во все время пребыванія своего въ академіи онъ шелъ въ числѣ лучшихъ студентовъ курса и среди своихъ товарищей выдѣлялся необыкновенною любознательностію, неутомимымъ прилежаніемъ и образцовою аккуратностію въ исполненіи своихъ обязанностей. Его товарищи по курсу почти не помнятъ, чтобы когда-нибудь онъ тратилъ время въ праздности или проводилъ его въ веселыхъ компаніяхъ. Почти всегда можно было видѣть его или за книгою, или въ глубокомъ раздумьи прохаживающимся по аллеямъ академическаго сада, или, наконецъ, въ шумныхъ и оживленныхъ спорахъ по разнымъ научнымъ или общественнымъ вопросамъ, спорахъ, до которыхъ Г. И. былъ большой охотникъ и благодаря которымъ онъ часто собиралъ подлѣ себя большой товарищескій кружокъ. Аккуратно посѣщая академическія лекціи, онъ даже и въ промежуткахъ между ними не оставался празднымъ, но тотчасъ-же разгибалъ какую-нибудь французскую или нѣмецкую книжку. Его товарищескія бесѣды во время, послѣ обѣденныхъ или вечернихъ прогулокъ большею частію имѣли серьезный характеръ и посвящались различнымъ вопросамъ научной и общественной жизни, что впрочемъ не препятствовало ему быть живымъ и веселымъ, иногда очень шутливымъ собесѣдникомъ. Это былъ чрезвычайно симпатичный типъ истаго студента, всею душою преданнаго интересамъ мысли и науки, всегда прилежнаго и аккуратнаго, по не сухаго и педантичнаго, а напротивъ живаго и отзывчиваго на всѣ текущіе житейскіе интересы и вопросы и курсъ потерялъ въ его лицѣ несомнѣнно одного изъ лучшихъ своихъ представителей. Его открытый, честный и благородный характеръ, выразившійся въ спокойныхъ смѣлыхъ и безпристрастныхъ сужденіяхъ, его скромность, постоянная готовность на товарищескія услуги, прямодушное, спокойное и привѣтливое со всѣми обращеніе и нравственная безупречность дѣлали его однимъ изъ лучшихъ и наиболѣе желательныхъ членовъ общегитія и пріобрѣли ему всеобщее уваженіе и расположеніе товарищей. Къ искреннему и глубокому

сожалѣнію всѣхъ знавшихъ и любившихъ его, Провидѣніе однако не судило этому прекрасному въ многихъ отношеніяхъ человѣку долгой жизни. Зародыши болѣзни издавна таились въ его организмѣ, а полученная на родинѣ простуда, вызвавшая воспаленіе легкихъ, окончательно подломила его. Къ началу 189¹/₂ учебнаго года Г. И. такъ уже разхворался, что не могъ явиться въ академію и весь этотъ годъ провелъ дома, оставшись затѣмъ на четвертомъ своемъ академическомъ курсѣ на повторительный годъ, которымъ впрочемъ ему уже не пришлось воспользоваться. Попытался было онъ снова пріѣхать для занятій въ академію, но не на долго. Силы его были уже такъ слабы, что вскорѣ же онъ вынужденъ былъ возвратиться домой, со слезами на глазахъ говоря при прощаніи своимъ товарищамъ, что ему „не нужны уже никакія ученые степени“, а на ихъ „до свиданія“ съ рыданіемъ отвѣчая „ужь не на землѣ“. Не много времени съ той поры догоралъ онъ, угасая быстро и замѣтно съ каждымъ днемъ и 18-го Января мирно отошелъ въ вѣчность ¹⁾. —

Прошло лишь около мѣсяца. Наступилъ великій постъ и въ первую же литургію преждеосвященныхъ даровъ среди академическаго храма снова появился гробъ и къ покаяннымъ пѣснямъ св. четырехдесятиницы присоединились пѣсни погребальныя. Отъ среды питомцевъ академіи Господь судилъ еще взять студента 4-го курса, Аркадія Феодоровича Азбукина. А пока удрученная глубокимъ горемъ академическая семья окружала этотъ четвертый гробъ, въ одной изъ палатъ академической больницы почти уже въ предсмертной агоніи оканчивалъ послѣдніе часы юной жизни своей еще питомецъ 4-го курса академіи, Иванъ Ивановичъ Лавровъ, и въ пятницу той же первой седмицы великаго поста и его проводили въ могилу. Ужасную, неизгладимую память оставила по себѣ эта недѣля, когда за каждой литургіей, и въ Среду и въ Пятницу возвышался среди храма гробъ, слышался плачь родныхъ и друзей, неслись раздирающіе душу напѣвы погребальныхъ пѣснопѣній и сквозь слезы звучали голоса осиротѣвшихъ товарищей, въ надгробныхъ

¹⁾ Характеристика Г. И. Спасскаго составлена товарищемъ его Целобровскимъ.—

рѣчахъ изливавшихъ любовь и скорбь свою. Еще двоихъ не стало въ нашей академической семьѣ! Учились, учились юноши, готовились, готовились къ предстоявшему имъ жизненному подвигу, и вотъ теперь, вмѣсто юныхъ дѣятелей, еще такъ недавно полныхъ силъ и надеждъ, много общавшихъ, и ко многому стремившихся, остались намъ лишь двѣ свѣжія могилки, да два бѣлыхъ креста!

А. Ѳ. Азбукинъ ¹⁾,—сынъ діакона села Пеньшина, Орловской губерніи, Ливенскаго уѣзда, и воспитанникъ Орловской духовной семинаріи. Жизнь неособенно улыбалась ему, причиной чему было съ ранней поры слабое здоровье и ощутительная скудость матеріальныхъ средствъ родной семьи. Къ этому присоединялась еще природная повышенная чувствительность, принадлежность всѣхъ натуръ тонкаго, незауряднаго сложенія, — которая даже при наличности всѣхъ другихъ здоровыхъ условій обычно разрушительно дѣйствуетъ на благосостояніе организма, а чрезъ него—и на расположеніе духа². . . . „Погруженный постоянно въ себя, онъ былъ образцовымъ хозяиномъ своего внутренняго міра: все, поступавшее совнѣ въ этотъ міръ, не сваливалось въ беспорядочную кучу, а ложилось въ порядкѣ, на своихъ мѣстахъ, все перерабатывалось такъ старательно и оригинально, что выглаживало собственностію и отличалось прочностію“ „Воззрѣнія, которыя онъ высказывалъ, всегда были его воззрѣнія, выношенныя, выстраданныя и оттого твердыя и послѣдовательныя. Это весьма ясно проявлялось въ двухъ особенностяхъ, которыми онъ замѣтно всегда выдѣлялся среди своихъ товарищей. Онъ никогда не былъ человѣкомъ только „прекрасныхъ словъ“, никогда не рвался въ облака; онъ даже не долюбливалъ заводить рѣчь о своихъ надеждахъ и планахъ, что такъ

¹⁾ При выносѣ и погребеніи А. Ѳ. Азбукина, 9-го и 10-го Февраля, надгробныя рѣчи произнесены были: кандидатомъ И. Андреевымъ и профессорскими стипендіатами П. П. Борисовскимъ и И. П. Николинымъ, а при выносѣ и погребеніи И. И. Лаврова, 11-го и 12-го Февраля, — о. Ректоромъ Академіи и студентами 4-го курса: П. Слезкинымъ, Д. Соколовымъ и Н. Писаревскимъ. Изъ этихъ рѣчей и заимствуются приводимыя нами біографическія свѣдѣнія и характеристики. Некрологи и рѣчи напечатаны въ Орловскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1893 г. № № 14 и 15-й и въ Томскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1893 г. № 8-й.

обычно въ юности. Разумѣется его свѣтлые взгляды всетаки постоянно невольно пробивались наружу, и эта ненамѣренность въ ихъ обнаруженіи сообщала имъ характеръ необыкновенной скромности и симпатичности. вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіе наносныхъ, искусственно привитыхъ, заоблачныхъ порываній и стремленій и печать усиленной собственной работы надъ своими воззрѣніями придавали послѣднимъ особую силу и власть. При знакомствѣ съ этими воззрѣніями чувствовалось, что въ ихъ образованіи вмѣстѣ съ умомъ участвовало и сердце, вѣрилось что они не останутся только воззрѣніями, а цѣликомъ перельются въ жизнь и воплотятся въ ней. Никогда ни одной фальшивой ноты не звучало въ его разговорахъ. Эти разговоры всегда дѣйствовали на окружающихъ отрезвляюще "... Это былъ человѣкъ „необыкновенно симпатичный, добрый и отзывчивый“... „Всякій кто близко подходилъ къ нему, выносилъ впечатлѣніе необыкновенной, дѣтской нравственной чистоты и опрятности, непреклонной правдивости и не по лѣтамъ серьезнаго взгляда на жизнь“... „Всякое легкомысліе, всякое проявленіе самолюбія, въ какомъ бы нарядѣ они ни выступали, краснѣли предъ его въ душу смотрящимъ взглядомъ“... „Онъ какъ будто рожденъ былъ не для дѣятельности на землѣ, а для жизни на небѣ. Онъ былъ не отъ міра... Его поэтическая душа забывала временную обстановку и искала чего-то высшаго, небеснаго. Въ немъ не было замѣтно призванія къ кипучей дѣятельности, жизнь его сосредоточивалась въ тайникахъ его собственного сердца и проявлялась въ мирныхъ и спокойныхъ переливахъ высоко-настроеннаго чувства. Почти всегда молчаливый, скромный, невозмутимый, уступчивый, нѣжно-почтительный въ обращеніи, онъ, казалось, былъ идеальнымъ воплощеніемъ кротости и миролюбія. Его какъ будто ничто не могло встревожить, или взволновать: такъ душа его была полна внутренняго мира и неземнаго блаженства. Онъ не любилъ интересоваться общественными вопросами, занимавшими его товарищей; гораздо болѣе онъ углублялся внутрь себя самаго, созерцалъ и усугублялъ идеальное содержаніе собственного духа“... „Лучшимъ же украшеніемъ его духовнаго образа была высота религіознаго чувства, которое, можетъ быть, болѣе всего и отражалось въ его тихой, меланхолической и созерцательной настроен-

ности... Очи сердца его устремлялись къ горнему. Его душа жаждала Бога и небесныхъ радостей, и онъ находилъ для нея утѣшеніе въ святилищѣ вѣры и христіанскихъ упованій“.... — Не таковъ былъ товарищъ Аркадія Осодоровича, послѣдовавшій за нимъ въ могилу, Иванъ Ивановичъ Лавровъ. „Еще недавно живой и бодрый, онъ излагалъ въ товарищескомъ кружкѣ свои планы относительно открывавшагося ему вмѣстѣ съ окончаніемъ курса широкаго поля жизни и дѣятельности“. Сынъ протоіерея города Томска, онъ „всѣ свои мечты, всѣ свои желанія сосредоточивалъ на томъ далекомъ краѣ, изъ котораго прибылъ. Онъ скорбѣлъ о томъ, что просвѣщеніе мало распространено среди этого края, что сами жители терпятъ иногда крайнюю нужду, не имѣя возможности при недостаточности просвѣщенія пользоваться богатствами своей страны. Съ большими надеждами умственные взоры его устремились ко вновь основанному въ его родномъ городѣ университету, въ которомъ онъ видѣлъ расадникъ просвѣщенія для всей Сибири. Съ радостію онъ принялъ извѣстіе о проектированной чрезъ всю Сибирь желѣзной дорогѣ и съ понятнымъ нетерпѣніемъ слѣдилъ за ея постройкой. Свои личныя силы, весь свой запасъ знаній, всю свою энергію, словомъ,—всего себя онъ хотѣлъ посвятить на просвѣтительную дѣятельность для этой страны, хотѣлъ работать для нея и, насколько это возможно для личныхъ силъ, способствовать развитію ея обитателей“.... Вдали отъ дорогой родины, „не имѣя здѣсь ни родныхъ, ни знакомыхъ“, только въ научныхъ занятіяхъ „находилъ онъ себѣ утѣшеніе“: „книги были его друзьями и знакомыми, чтеніе и научная работа составляли обычное времяпровожденіе. Часто въ глубокой часъ полночи оставался онъ вести тихую бесѣду съ своими друзьями — книгами. Твердая воля, неустанная энергія, высокія дарованія ума поддерживали и укрѣпляли это дружество. Человѣкъ дѣла—онъ мало зналъ отдыхъ. Пылкій, молодой духъ его не хотѣлъ знать оковъ немощной плоти. Цвѣтущее здоровье вводило его въ обольщеніе: онъ разсуждалъ — *vita brevis, ars longa*—коротко пребываніе мое здѣсь, въ этой сокровищницѣ богословской науки, нужно воспользоваться этимъ короткимъ временемъ, чтобы сколь возможно лучше обезнечить дальнѣйшія занятія“.... Но „онъ не прилѣплялся къ

земной жизни, не полагать въ ней цѣлей своего бытія; онъ смотрѣлъ на нее трезвымъ окомъ христіанскаго разумѣнія, какъ на временное проявленіе своихъ духовныхъ сокровищъ. Онъ ратовалъ за просвѣщеніе, за гуманитарный прогрессъ, и въ тоже время въ глубинѣ души всегда оставался истиннымъ христіаниномъ; сквозь добродушное его лицо всегда просвѣчивалъ сокровенный образъ внутренняго человѣка, который онъ очень умѣло скрывалъ, по своей скромности, отъ посторонняго взора. Его благодушіе, отзывчивость ко всякаго рода благодѣяніямъ, искренность въ обращеніи съ другими, правдивость словъ и поступковъ и пелищемѣрное отношеніе къ храму и богослуженію—вотъ плоды его духа, скрывавшагося подъ покровомъ скромной, симпатичной наружности. Онъ не имѣлъ затаенной злобы и, по свойствамъ своей души, никогда не могъ имѣть ее: всякое неприятное чувство, возникавшее въ немъ къ другому, какъ то не гармонировало съ общимъ складомъ его души, тяжело сдавливало его духъ, и немедленно просилось наружу, немедленно побуждало его изрекать хотя горькія, но правдивыя слова. Но за эту-то особенность его характера всѣ именно и любили его, какъ одного изъ откровенныхъ товарищей“.... Широкимъ планамъ Ивана Ивановича однако не суждено было осуществиться. Цвѣтущее здоровье не въ силахъ было спасти его отъ преждевременной смерти и выпала ему на долю та-же участь, какая постигла его съ дѣтства слабаго сотоварища. Оба они стали жертвою одного и того-же лютаго недуга—чахотки и могила уравнила и слабаго и сильнаго. „Здоровье Аркадія Оеодоровича съ самаго начала академической жизни постоянно шло на убыль. Только благодаря чрезвычайной умѣренности и правильности въ распредѣленіи времени ему удалось дотянуть до начала нынѣшняго года. На третьемъ курсѣ особенно замѣтно стали сказываться признаки приближающейся развязки. Послѣ канікулъ онъ уже не въ состояніи былъ явиться въ академію“.

„Когда, послѣ цѣлаго года, проведеннаго дома, онъ снова вѣрѣхалъ въ академію въ началѣ минувшаго учебнаго года, товарищи, хотя и не ожидали ничего добраго, ужаснулись происшедшей въ немъ перемѣнѣ: смерть явно начала свою страшную работу. Всѣ надежды разлетѣлись, какъ дымъ..... и 9 февраля его не стало“... Та-же чахотка свела въ мо-

гилу и крѣпкаго, цвѣтущаго здоровьѣмъ Ивана Ивановича. Заболѣлъ онъ около половины ноября мѣсяца и первоначально совсѣмъ не подозрѣвалъ опасность своего недуга; но страшная болѣзнь, усилившись благодаря нѣкоторымъ осложненіямъ, пошла съ чрезвычайною быстротою и скоро привела къ роковому концу. До святокъ больной былъ еще похожъ на себя, ходилъ и даже работалъ надъ кандидатскимъ сочиненіемъ; но съ января мѣсяца сталъ замѣтно ослабѣвать и 11-го февраля послѣдовалъ за своимъ товарищемъ, только на два дня упредившимъ его на пути къ могилѣ.

Эти двѣ преждевременныя кончины еще не исполнили чашу тѣхъ испытаній, какія суждено было вынести въ минувшемъ учебномъ году нашей академической семьѣ. Прошло два мѣсяца и въ двадцатыхъ числахъ апрѣля она опять собралась въ своемъ храмѣ молитвенно оплакивать еще новую жертву того-же страшнаго недуга. Изъ Ялты получена была печальная вѣсть о послѣдовавшей 24-го апрѣля кончинѣ студента 4-го курса Николая Оеодоровича Суперанскаго. Сынъ бывшаго священника Олопецкой епархіи, нынѣ іеромонаха Виленскаго Свято-Духова монастыря, Н. О. обучался сперва въ С.-Петербургской духовной Академіи и затѣмъ перешелъ въ Московскую, поступивъ въ ней на третій курсъ. Заболѣлъ онъ осенью минувшаго 1892 года и уже зимою рѣшено было отправить его къ веснѣ въ Ялту въ надеждѣ излеченія. Не питалъ онъ впрочемъ повидимому, большой увѣренности въ возможности своего поправленія и въ февралѣ, когда хоронили его товарищей, не рѣдко говорилъ, что скоро наступитъ и его очередь. Особенно грустилъ онъ въ концѣ великаго поста, сокрушаясь о невозможности присутствовать при богослуженіяхъ страстной и пасхальной недѣли. Приобщившись св. Таинъ дважды въ продолженіе поста, въ началѣ страстной недѣли онъ отправился въ Ялту и помѣстился тамъ въ общинѣ сестеръ милосердія; но увы, не на долго, — 24-го апрѣля его уже не стало.

Итакъ *шесть* свѣжихъ студенческихъ могилъ въ продолженіи *одного только* учебнаго года! Что-же это, Господи, доколѣ? *Изчезохомъ гнѣвомъ Твоимъ и смутихомся.* Сердце обливается кровью, когда въ академическомъ храмѣ

за каждой литургіей цѣлый рядъ именъ на заупокойной эктеніи постоянно напоминаеть о тяжкомъ бѣдствіи, постигшемъ Московскую академію въ этотъ ужасный минувшій учебный годъ. Очами вѣры взирая на эти печальныя событія, мы, конечно, утѣшаемъ себя мыслию, что съ точки зрѣнія личнаго блага почившихъ они не требуютъ сожалѣнія, ибо добрыя свойства души ихъ, мирная христіанская кончина и постоянныя за нихъ горячія молитвы любящихъ и друзей вселятъ ихъ, по милости Божіей, въ лучшія обители, чѣмъ настоящая наша юдоль плача и воздыханій. Они разрѣшились отъ узъ плоти, чтобы быть со Христомъ, не доцвѣли здѣсь, чтобы пышно разцвѣсть въ жизни будущей. „Безсмертный цвѣтокъ“, воспоминается намъ одно стихотвореніе, часто являющееся предъ глазами при прогулкахъ по лаврѣ, „недоцвѣтшій въ юдоли земной“,

„Въ раю разцвѣти, орошаемъ Господней росой“¹⁾. Но, живя въ мірѣ, не можемъ мы вполнѣ отрѣшиться и отъ интересовъ міра. Глубоко сожалѣемъ мы о безвременно погибшихъ юныхъ силахъ, которыя могли бы и готовы были послужить на благо ближнихъ и, окончивъ трудный многолѣтній путь приготовленія къ жизненной дѣятельности, принесли-бы, несомнѣнно, Церкви Православной и отечеству своему не малую пользу. Сожалѣемъ и... невольно приходимъ въ раздумье. Поражаетъ насъ тотъ горестный фактъ, что изъ шести преждевременно погибшихъ юношей *пятеро* были жертвою одного и того-же страшнаго педуга—чахотки. Неужели это только случайность? Не имѣеть-ли, напротивъ, это явленіе какихъ-либо осязательныхъ причинъ и не слѣдуетъ-ли потому обратить самое серьезнѣйшее вниманіе на ихъ изслѣдованіе и устраненіе, чтобы предотвратить тѣмъ всякую возможность дальнѣйшихъ заболѣваній? Не намъ, конечно, рѣшать этотъ вопросъ; но мы считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ указать на настойчивую необходимость подвергнуть надлежащему изслѣдованію тѣ гигиеническія условія, въ которыхъ поставлена жизнь студентовъ

1) Это—стихотвореніе извѣстнаго профессора Моск. Дух. академіи, протоіерея Оеодора Александровича Голубинскаго и написано на памятникѣ поставленномъ вблизи лаврскаго Успенскаго собора надъ могилою одного изъ сыновей его, скончавшагося въ юности.

нашей академіи. Намъ думается, что тѣснота академическихъ зданій, вызывающая чрезмѣрную скученность студенческаго населенія, въ особенности должна неблагопріятно дѣйствовать на состояніе его здоровья. Это обстоятельство обратило уже на себя вниманіе академическаго начальства, которое выработало проектъ необходимаго расширенія зданій академіи и установленнымъ порядкомъ вошло съ ходатайствомъ къ высшей власти объ ассигнованіи для того потребныхъ суммъ. Дай Богъ, чтобы это предпріятіе осуществилось какъ можно шире и скорѣе, чтобы Московская Духовная Академія, если уже ей, къ сожалѣнію, суждено оставаться въ посадѣ, приведена была по крайней мѣрѣ въ такой видъ, который наиболѣе соответствовалъ-бы ея назначенію.

Кромѣ тяжелыхъ для сердца погребальныхъ церемоній, академическій храмъ нашъ въ минувшемъ учебномъ году многократно былъ свидѣтелемъ и такихъ отрадныхъ явленій, которыя доставляли всякому вѣрующему часы высокаго духовнаго наслажденія. Широкіе размѣры обновленнаго храма позволяютъ теперь большому количеству молящихся постоянно посѣщать академическое богослуженіе; но никогда еще доселѣ храмъ этотъ не видѣлъ въ стѣнахъ своихъ такого громаднаго стеченія народа, какое было въ немъ въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія. Утренняя и литургія въ этотъ великій день совершены были съ необычайною торжественностію, при чемъ особенно сильное впечатлѣніе на молящихся произвело чтеніе за литургіею Св. Евангелія на одиннадцати разныхъ языкахъ. Въ алтарѣ у святаго престола читали Евангеліе: о. ректоръ академіи и шесть сослужившихъ ему іеромонаховъ и священниковъ на языкахъ: греческомъ, русскомъ, еврейскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ и осетинскомъ; а въ храмѣ — четыре іеродіакона на языкахъ: славянскомъ, французскомъ, англійскомъ и болгарскомъ. Первенствовавшій изъ іеродіаконовъ читалъ на обычномъ мѣстѣ на амвонѣ, а остальные — среди храма на трехъ апсидяхъ, обратившись лицомъ на югъ, сѣверъ и западъ.

Въ недѣлю св. жень муропосницъ, 11-го апрѣля, совершена была, по обычаю, о. ректоромъ соборне литургія на греческомъ языкѣ, при чемъ часы предъ литургіею читалъ

студентъ-арабъ П. Жузе, Апостоль — студентъ-грекъ Н. Хри-стодуло, Евангеліе — студентъ-грекъ іеродіаконъ Каллисть, а символъ вѣры — студентъ-арабъ Хабибъ-Хананія. Съ удо-вольствіемъ можемъ замѣтить при этомъ, что нашъ акаде-мическій обычай совершать въ одинъ изъ воскресныхъ дней послѣ пасхи литургію на греческомъ языкѣ начинаетъ по-лучать распространеніе и за предѣлами академіи. Въ газе-тахъ были извѣстія, что такія литургіи совершены были въ Московской духовной семинаріи и въ одной изъ провин-ціальныхъ.

Во все продолженіе года академическій храмъ привле-калъ еще значительное количество посѣтителей бесѣдами, происходившими въ немъ каждый воскресный день въ 3 часа пополудни. Предметомъ бесѣдъ въ минувшемъ году избрана была евангельская исторія въ ея полномъ объемѣ, начиная съ Рождества Пресв. Богородицы и оканчивая Вознесеніемъ Господнимъ и Сошествіемъ Св. Духа на апостоловъ. Со-бытія евангельской исторіи и излагались въ послѣдователь-номъ порядкѣ на всѣхъ бесѣдахъ съ 1-го ноября по 22-е августа по заранѣе составленной программѣ. Трудъ состав-ленія и произнесенія бесѣдъ несли на себѣ: болѣе всѣхъ о. ректоръ академіи, а затѣмъ о. инспекторъ и одиннад-цать студентовъ разныхъ курсовъ. Общепонятный и нази-дательный характеръ бесѣдъ, приспособленныхъ къ потреб-ностямъ и пониманію слушателей, производилъ на нихъ столь благоприятное впечатлѣніе, что почти съ каждымъ разомъ число ихъ прогрессивно увеличивалось. Minimum посѣтителей въ минувшемъ году было — 239, maximum-же 1300, а среднее число приблизительно равняется 500. По окончаніи бесѣды производилась обыкновенно бесплатная раздача всѣмъ присутствующимъ Троицкихъ листковъ. Во второй половинѣ учебнаго года по инициативѣ и усердію о. инспектора при воскресныхъ бесѣдахъ заведено было общее пѣніе. На первыхъ порахъ весь собравшійся на бесѣду народъ принималъ участіе въ пѣніи лишь нѣсколь-кихъ пѣсней предъ началомъ и по окончаніи бесѣды, а затѣмъ попытка оказалась настолько успѣшною и дѣло такъ подвинулось впередъ, что явилась возможность даже и не большія богослуженія совершать при общемъ пѣніи всего народа. По окончаніи бесѣды, кто-либо изъ священно-слу-

жителей обыкновенно начиналъ вечерню, которая и совершалась при общенародномъ пѣніи подъ управленіемъ о. инспектора. При участіи канонарха изъ священнослужителей-студентовъ даже стихиры исполнялись народомъ безъ всякаго затрудненія. Нерѣдко, вмѣсто вечерни, совершались послѣ бесѣдъ молебствія Пресв. Богородицѣ или Преподобному Сергію Радонежскому съ чтеніемъ акаеиста, причемъ и тропари и всѣ другія пѣснопѣнія исполнялись также народомъ. Не знаю, какое впечатлѣніе выносили отъ этихъ общенародныхъ богослуженій другіе, но я откровенно долженъ признаться, что, при всей моей любви къ хорошей музыкѣ вокальной и инструментальной, даже отъ образцовыхъ московскихъ пѣвческихъ хоровъ рѣдко получалъ такое высокое духовное наслажденіе, какъ отъ этого безхитростнаго исполненія всѣмъ народомъ самыхъ простыхъ церковныхъ напѣвовъ. Конечно, когда во время богослуженія слушаешь въ храмѣ превосходное исполненіе лучшихъ произведеній нашихъ церковныхъ композиторовъ, даже духъ, какъ говорится, замираетъ отъ наслажденія чарующею гармоніей чудныхъ звуковъ; но бѣда, мнѣ кажется, въ томъ, что въ этомъ случаѣ наслажденіе эстетическое выступаетъ на первый планъ, царить надъ душою человѣка и часто не только не способствуетъ пробужденію въ ней возвышеннаго религіознаго настроенія, а скорѣе заглушаетъ и подавляетъ его. Слова и значеніе церковныхъ пѣсней и обрядовъ нерѣдко отступаютъ назадъ, вниманіе всецѣло приковывается къ голосамъ и звукамъ и въ смыслѣ молитвы не остается ничего. Не то при пѣніи общенародномъ. Здѣсь такъ мало искусства, что оно, какъ и должно быть, занимаетъ второстепенное мѣсто и служитъ лишь средствомъ для высокихъ богослужебныхъ цѣлей. Оно не царитъ, не увлекаетъ, а только возбуждаетъ и содѣйствуетъ въ душѣ человѣка молитвенному настроенію. Каждый молящійся является не слушателемъ только, а живымъ и сознательнымъ участникомъ богослуженія. Масса голосовъ, мужчинъ и женщинъ и дѣтей, могучею волной разносящаяся по сводамъ храма, невольно захватываетъ cadaго въ общемъ молитвенномъ порывѣ и вселяетъ въ душѣ отрадное чувство братскаго единенія предъ Богомъ въ славословіи Его *едиными* со всѣми *усты и единымъ сердцемъ*. Дай Богъ, чтобы

общее пѣніе, вводимое въ послѣднее время уже во многихъ столичныхъ и городскихъ церквахъ, нашло себѣ примѣненіе въ особенности въ церквахъ сельскихъ. Смѣло можно быть увѣреннымъ, что во многихъ православныхъ людяхъ оно возбудить усиленную ревность и особенное усердіе къ Божьему храму, многихъ предохранить отъ губельнаго увлеченія сектантствомъ и въ рукахъ пастырей церкви послужить могущественнымъ средствомъ для религіознаго воспитанія народа.

Въ день Св. Духа послѣ божественной литургіи, по случаю окончанія экзаменовъ, совершенно было въ академическомъ храмѣ благодарственное Господу Богу молебствіе съ возглашеніемъ установленныхъ многолѣтій, а за литургіею о. ректоръ академіи произнесъ слѣдующее слово:

«Идѣже еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посредь ихъ» (Мѡ. 18,20).

Эти священныя слова братіе, слышанныя нами въ завершительный день учебнаго года Академіи, побуждаютъ насъ спросить себя по внутреннему челоуѣку: были-ли и мы, т. е. наша академическая семья, собрана во имя Христова, былъ-ли между нами Христось? Если былъ, то благословенно лѣто сіе нашей жизни, со свѣтлою надеждою соединимся мы вновь послѣ предстоящаго отдыха на лѣто будущее и съ утѣшеніемъ разстанемся съ тѣми братіями нашими, коимъ окончилось время ученія, коимъ предстоитъ идти и учить другихъ.

Былъ-ли между нами Христось? свѣтиль-ли намъ обликъ Его? вдохновляла-ли Его любовь? освящала-ли Его истина? Если этотъ вопросъ каждый направить по отношенію къ своей личной жизни и начнетъ изслѣдовать достойно-ли онъ возжигалъ даръ богопознанія и добродѣтели, то конечно много укоровъ себѣ онъ услышитъ: вспомнить онъ, сколько разъ заглушалъ терніями страстей сѣмя слова Божія, какъ отдавалъ его на сѣденіе птицамъ и потоптаніе прохожимъ. Не похвала себѣ, а смиренное покаяніе да будетъ плодомъ такого изслѣдованія. Но если обратимъ его къ жизни всего нашего ученаго и учащагося общества, то и здѣсь конечно, какъ и во всякомъ челоуѣческомъ обществѣ, найдемъ не мало ошибокъ, грѣховъ, небреженія и нечувствія. —

Однако не на эту сторону жизни хочу устремить взоръ вашъ возлюбленные братіе, въ сей прощальный праздникъ. Хочу напомнить вамъ о тѣхъ лучшихъ сторонахъ нашей общественной жизни и о тѣхъ святыхъ дняхъ ея, когда сквозь грѣховный туманъ обычной жизни проникалъ свѣтъ высшей правды и любви и являлся среди насъ обликъ Христовъ. Вспоминаю ваши безкорыстные труды и созерцаніе истинъ Божіихъ, ваши общія и иногда столь усердные молитвы и принятіе тайнъ Христовыхъ въ этомъ святомъ храмѣ, ваши попеченія о болящихъ, усердные молитвенные подвиги при гробахъ почившихъ учителей и товарищей, вашу общую искренность и безхитростное чистосердечіе при всякомъ запросѣ, обращенномъ къ личной совѣсти и общую любовь къ Академіи, наукѣ и вѣрѣ, какъ въ учащихъ, такъ и въ учащихся. Правда было бы помысломъ неразумной гордости утверждать, будто мы всегда пользовались всѣми средствами для возвышенія въ боговѣдніи и добродѣтели: но отрицать присутствіе въ нашей жизни освящающей благодати Христовой и ощущаемости такой высшей духовной связи, объединявшей насъ другъ съ другомъ и съ общимъ нашимъ священнымъ назначеніемъ—это значило-бы пренебрежительно отворачивать умственный взоръ отъ ниспосланнаго свыше Божественнаго дара. Да будетъ-же благодареніе Подателю благихъ и Обновителю жизни нашей! Господь посылалъ въ нашу ученую семью сѣмена жизни. Но приняли-ли мы ихъ настолько глубоко въ нашу душевную ниву, чтобы не заглохли *„во время нынѣшнихъ и отъ печали, богатства и сластей житейскихъ?“* (Лук. 8, 14). Этотъ тревожный вопросъ и наполняетъ наши души при взглядѣ на покидающихъ насъ друзей, завершившихъ нынѣ свое подготовительное къ жизни поприще.

Пришелъ часъ ихъ удаленія отъ насъ, долженъ исполниться законъ жизни, требующій сего разлученія, законъ грустный, но неизбежный ни для семействъ, ни для обществъ: таковъ удѣлъ земнородныхъ. Велико утѣшеніе, когда разлука сія сопровождается свѣтлой надеждой о непреоборимомъ тождествѣ жизненнаго содержанія у расстающихся, объ общей непоколебимой вѣрности Христовой истинѣ: тогда-бы лишеніе личнаго общенія смягчалось яснымъ сознаніемъ общаго единства во Христвѣ и Церкви, — какъ Апостолы,

разсѣивающіеся по міру, но „связаемі союзомъ любви“, мы бы утѣшались обѣтованіемъ Спасителя: „*иже будетъ во Мнѣ и Азъ въ немъ, той сотворитъ плодъ много*“ (Іо. 15, 5).—Христось былъ среди насъ, но воспринять-ли Онъ нами такъ, какъ было принято сѣмя тою доброю землею, гдѣ творился „*плодъ въ терніи*“ (Лук. 8, 15)? Поставленъ-ли домъ нашей духовной жизни на твердомъ камени, которому не страшны „*дожди, рѣки и вѣтры*“ (Матѣ. 7, 25)? Достанетъ-ли ея у исшедшихъ во срѣтеніе коснящаго Жениха (Матѣ. 25, 5)?—Подобныя опасенія понуждаютъ насъ со смиреніемъ удалить взоръ отъ картинъ жизни апостольской, отъ „огненныхъ языкъ и дыханія бурна“. (Дѣян. 2, 2—3) и уподобить сей день разставанія съ совершенно иною скромною картиною, часто изображаемой мірскими поэтами,—съ картиною напутствованія матерью покидающаго ее сына, идущаго на подвигъ ратный. Съ заботою и страхомъ дать ему мать послѣднія наставленія ободрять себя мыслію о его будущихъ успѣхахъ, но тутъ-же уязвляетъ свою душу картинами нравственныхъ паденій, потери сыномъ всякаго великодушія и честности опасеніемъ полнаго забвенія имъ ея родительской любви. Что можетъ оградить васъ братіе отъ всѣхъ этихъ напастей искусительной жизни? Идеализмъ-ли юности? принятыя-ли построенія философской нравственности? самая-ли богословская образованность, облагораживающая духъ? Конечно все это прекрасныя начала, всѣ они въ жизни далеко не безплодны, но увы, какъ безцѣльны они, чтобы противостать искушеніямъ, чтобы одушевить человѣка дѣятельнымъ самоотверженіемъ, отвратить отъ гнуснаго разврата, пролить въ его душу нѣжную любовь къ меньшей братіи, сблизить его духовно со всякою порученною ему душою, научить примирять скорбящихъ съ ихъ тяжелымъ жребіемъ, *быти всѣмъ вся* (1 Кор. 9, 22), какъ это требуется отъ достойнаго питомца Академіи. Хороши эти начала, это естественное юношескимъ годамъ благородное одушевленіе, но почему оно въ дальнѣйшей жизни такъ рѣдко является дѣятельной силой и такъ часто лишь предметомъ нѣжныхъ, но невозвратимыхъ къ дѣйствительности и безплодныхъ воспоминаній? Вѣдь тѣмъ и хороши стремленія юности, что предметъ ихъ—дѣятельное служеніе добру и истинѣ: почему-же

по наступленіи времени этого служенія люди начинаютъ прежніе годы стремленій считатьъ лучшею, поэтичнѣйшею эпохой своей жизни и лишь въ воспоминаніяхъ о ней ищутъ себѣ нравственнаго отдохновенія? А все потому, что они естественныхъ благихъ порывовъ своихъ не очистили и не укрѣпили благодатнымъ свѣтомъ общенія Христова и молитвы, пренебрегали обликомъ Христовымъ, открывавшимся для нихъ въ сравнительно невинное время юности, свободное отъ искусительной борьбы съ нуждою и домогательствами вѣдшихъ успѣховъ и преимуществъ.

„*Да не будетъ этого съ вами всѣ, проходящіе путемъ*“ нашей дорогой Академіи (Плач. 1, 12)! Пусть ваши воспоминанія о годахъ студенческихъ будутъ подобны не воспоминаніямъ прародителей о потерянномъ раѣ, ни плѣненнаго Израиля о Іерусалимѣ, но воспоминаніями какъ-бы вдохновенныхъ подвижниковъ о первыхъ шагахъ своего духовнаго возрожденія или ученыхъ мудрецовъ о своихъ ученическихъ полудѣтскихъ сочиненіяхъ съ первыми проблесками свѣтлой мысли. — Вмѣстѣ съ сокровищницей мудрости и образованности возьмите съ собою изъ этихъ священныхъ стѣнъ некрадомое сокровище облика Христова, — этой единственной твердой опоры для добродѣтели, открывавшейся вамъ въ пережитыхъ священныхъ минутахъ общенія со Христомъ въ молитвѣ и чистомъ братолюбіи; охраняйте его отъ жизненнаго разсѣянія и имъ освящайте добрые задатки юношескихъ лѣтъ. Съ такимъ завѣтомъ благословляетъ васъ въ путь жизни Академія, какъ мать сыновъ своихъ, благословляетъ васъ памятью всего добраго и святаго, пережитаго нами вмѣстѣ въ этихъ стѣнахъ. Возвращайте его и не забывайте своей матери Академіи: „*послушайте мене преподобніи сынове и прозябните, яко шипки, произрастающыя при потоцѣхъ сельномъ: и якоже Ливанъ дадите благовоніе, и процвѣтните цвѣтъ, яко кринъ: преподадите волю и воспойте пѣснь: благословите Господа во всякъ дѣльскъ Его*“ (Сир. 39, 16 — 19). Если будете носить въ себѣ Христа, обогащенные познаніемъ и опытомъ жизни, сокровищемъ мудрости и боговѣдѣнія, то не себя только сохраните невреденными, но и явитесь участниками въ великомъ обѣтованіи о проповѣдникахъ истины Божіей: „*се дахъ тя въ завѣтъ рода,*

во свѣтъ языкомъ, еже быти тебѣ во спасеніе даже до послѣднихъ земли (Ис. 49, 6). Аминь.

Въ воскресенье 6-го іюня, послѣ божественной литургіи, состоялось послѣднее за этотъ учебный годъ засѣданіе совѣта и затѣмъ, въ квартирѣ о. ректора, для всей академической корпораціи братская трапеза, за которой въ одушевленныхъ тостахъ и рѣчахъ всѣ радостно встрѣтили наступившую вакацію, кто въ надеждѣ отдохнуть отъ усиленнаго труда, а кто въ расчетѣ воспользоваться свободнымъ отъ обязательнаго дѣла временемъ для новыхъ ученыхъ работъ.

В. Соколовъ.
